

Пилатова Валентина Николаевна

РЕЧЬ И ДИСКУРС ОДНОГО ПЕРСОНАЖА

Статья посвящена проблематике определения дискурса на основе анализа речи говорящего. В фокус внимания попадают мысли, не отягощённые коммуникативной зависимостью слова автора. Таковыми являются внутренние монологи героя. Выявлены условия успешной ментальной деятельности личности. Дифференцируется мысль в состоянии становления и мысль в своём завершении. Сделан вывод о том, что формирование мысли происходит не в ходе взаимодействия человека с действительностью, а в процессе независимого истолкования этого взаимодействия. Делается заключение, что мысль в своём завершении является результатом истолкования её признаков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 2. С. 358-360. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81-22

Статья посвящена проблематике определения дискурса на основе анализа речи говорящего. В фокус внимания попадают мысли, неотягощённые коммуникативной зависимостью слова автора. Таковыми являются внутренние монологи героя. Выявлены условия успешной ментальной деятельности личности. Дифференцируется мысль в состоянии становления и мысль в своём завершении. Сделан вывод о том, что формирование мысли происходит не в ходе взаимодействия человека с действительностью, а в процессе независимого истолкования этого взаимодействия. Делается заключение, что мысль в своём завершении является результатом истолкования её признаков.

Ключевые слова и фразы: дискурс; коммуникативная обусловленность; интерпретация; мыслительный процесс; мысль в состоянии становления; мысль в своём завершении.

Пилатова Валентина Николаевна, к. филол. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
pilatova_vn@mail.ru

РЕЧЬ И ДИСКУРС ОДНОГО ПЕРСОНАЖА

Речь – многогранное явление, свидетельствующее о его авторе почти всё. По речи мы можем судить о характере человека, его культуре, эмоциях, прагматических устремлениях и т.д. В данной работе, изучая речь одного литературного персонажа, мы постараемся проанализировать его дискурсивную (ментальную) деятельность. Наша цель – доказать, что мысль в своём завершении является результатом истолкования её признаков. Она возможна только в условиях свободы от коммуникативной обусловленности.

Е. С. Петрова полагает, что в ходе общения мы имеем дело не с человеком, а с его образом. С другой стороны, то, что о нас самих думают окружающие, – это тоже их представление о нас [4, с. 112]. Следовательно, изучение коммуникации между людьми позволяет нам понять не столько дискурс личности, сколько имидж говорящего. Дискурс личности открывается во внутренней речи и в условиях сокровенного общения.

Литературный персонаж, речь которого мы будем изучать, – Стивенс, главный герой романа Кадзуо Исигуро «Остаток дня». Этот роман от начала до конца представляет собой внутренний монолог отправившегося в небольшое путешествие по собственной стране старого английского дворецкого. Дворецкий Стивенс совершенно свободен в своих мыслях, так как не вступает ни с кем ни в какое взаимодействие, посвящая всё время переосмыслению прожитой жизни. У него наконец есть время для переоценки совершённых поступков, сделанного выбора в личной и профессиональной деятельности, упущенных возможностей.

В исследуемом художественном произведении действие происходит в двадцатые и тридцатые годы прошлого века. К. Исигуро описывает атмосферу уходящей эпохи людей с понятиями, на смену которой приходит время расчётливого бизнеса. Расчётливый бизнес является из восходящей страны – Соединённых Штатов Америки, что влечёт за собой привнесение иного менталитета и иной культуры общения.

Н. С. Братчикова справедливо отмечает: «Специфические черты национального менталитета отражаются в своеобразии арсенала языковых средств, используемых при описании реалий окружающего мира. Прототипический способ отражения внешнего мира фиксирует канонические представления носителей языка, которые носят сугубо национально-специфический характер» [1, с. 71]. Данное замечание ярко прослеживается на страницах романа К. Исигуро. Его герой, носитель особенностей английского национального характера, вынужден приспосабливаться к меняющимся канонам.

Стивенс излагает соображения самому себе, поэтому он честен, откровенен и даже уязвим. Нам интересен его дискурс, ход мысли. Мы согласны с В. И. Шадриним в том, что дискурс имеет отношение к интерпретации социальных отношений, возникающих в процессе языкового общения [5, с. 220]. Следует добавить, что дискурс может иметь отношение к интерпретации окружающей действительности вообще, даже в условиях отсутствия человеческого общения. Природные явления, религиозный опыт, например, нередко становятся импульсом для истолкований.

К. Исигуро предоставляет читателю по большей мере не оформившуюся мысль, а её путь к окончательному завершению. И. Р. Гальперин считает, что процесс формирования мысли протекает почти одновременно с процессом непосредственной коммуникации, как бы «на ходу» [2, с. 30]. Хочется только добавить, что эта коммуникация включает в себя и разговор с самим собой, как это происходит на страницах исследуемого произведения. Стивенс вспоминает свои мысли в прошлом и сам же корректирует их неспешно и аргументированно. Завершение мыслительного процесса требует времени и порой занимает многие страницы.

С точки зрения М. К. Мамардашвили, мы не можем создавать мысли, просто направив вперёд нашу волю и сознание. Нельзя прямо творить мысль, можно лишь мыслить так, чтобы зародилась возможность появления мысли. Мы только можем создавать условия для обретения мысли. Мысли существуют сами по себе. Мышление человека – это предикативная деятельность, т.е. приписывание предметам каких-то признаков. Человеческое мышление возможно исключительно по отношению к независимо существующим от него мыслям [3, с. 251-252].

Нашему герою Стивенсу удаётся создать условия, способствующие появлению мысли. Отсутствие общения с другими людьми позволяет сосредоточиться, избежав состояния рассеяния, и в своих рассуждениях исходить из собственной системы ценностей. Он обретает некоторые мысли тогда, когда ему, без оглядки на посторонних, удаётся стать беспристрастным, самокритичным и смелым.

Стивенс по праву гордится профессией, которой отдана вся жизнь. Он посвящает много слов описанию своих знаменитых коллег – дворецких, управлявших большими имениями на протяжении долгого времени и сыскавшими добрую славу. Им всем, как и их господам, было присуще глубокое чувство собственного достоинства. Наш герой пытается дать определение этому чувству.

'Dignity' was something one possessed or did not by a fluke of nature [6, p. 34]... / Достоинство – это нечто, что тебе дано или не дано по прихоти природы (здесь и далее перевод автора статьи. – В. П.)...

Приведённая сентенция не является законченной мыслью, а содержит лишь признак мысли. В ней нет содержательного определения, есть лишь интригующая провокация.

Далее будут отмечены другие многочисленные признаки. Из монолога Стивенса мы узнаем имена людей, имеющих честь и достоинство. Будут описаны эпизоды, в которых эти люди проявили достоинство, а также ситуации затруднительного положения, из которых великие дворецкие сумели выйти с честью. Предложены образные сравнения достоинства с женской красотой, многолетней работой над собой, вершиной карьерного роста...

Однако, что значит достоинство, Стивенс сможет точно определить ближе к концу своего путешествия.

Not removing one's clothing in public [Ibidem, p. 221]. / Не снимать одежду публично.

Больше он к этой теме не возвращается, так как его дискурс завершён: Стивенс обрёл мысль. Ситуация отсутствия желания думать на интересующую нас тему является указанием на то, что мыслительная траектория достигла своего конца.

Посвятив всю свою жизнь лорду Дарлингтону, дворецкий задаётся вопросом, хорошему ли человеку он преданно служил. Этот вопрос возникает не случайно. Дело в том, что после смерти лорда стали распространяться слухи о том, что Дарлингтон симпатизировал нацистам и способствовал Гитлеру. Возмущённый Стивенс хочет считать их сплетнями. Даже после смерти своего господина он остаётся ему верным и характеризует лорда исключительно положительно.

I can declare that he was a truly good man at heart, a gentleman through and through, and one I am today proud to have given my best years of service to [Ibidem, p. 64]. / Могу заявить, что в душе он был поистине добрым человеком, джентльменом от начала до конца, и сегодня я горжусь, что отдал ему свои лучшие годы.

Однако его мысль пока находится в процессе становления. Стивенс пытается понять причину появления дурных слухов о лорде Дарлингтоне.

Он не отрицает, что однажды ночью его господин устраивал секретную встречу высокопоставленных британских политиков с Риббентропом.

Действительно, некоторое время Дарлингтон оказывал финансовую поддержку чернорубашечникам. Впрочем, потом он перестал это делать. Однажды лорд велел уволить прислугу иудейского вероисповедания, и Стивенс не мог не исполнить это распоряжение. Позже лорд Дарлингтон как-то упомянул, что тогда он напрасно принял такое решение.

Углубившись в воспоминания, Стивенсу удаётся объективно обрисовать многочисленные признаки картины. Изменив точку зрения, он приходит к беспристрастному окончательному умозаключению.

His lordship was a courageous man. He chose a certain path in life, it proved to be a misguided one [Ibidem, p. 255]. / Его светлость был смелым человеком. Он выбрал определённый путь в жизни, который оказался ошибочным.

Нетрудно заметить, что мировоззренческая позиция автора речи в данном вопросе меняется радикально.

Наш герой оценивает и собственный трудовой путь. Отмечая умение организовывать большие приёмы именитых аристократов, государственных деятелей, писателей, Стивенс триумфально высказывает признание своей тридцатипятилетней успешной работы.

I am today nothing but proud and grateful to have been given such a privilege [Ibidem, p. 133]. / Сегодня я испытываю только гордость и благодарность тому, что мне выпала такая честь.

Однако память уводит дворецкого к смерти отца, служившего в этом же доме. Отец умер от удара внезапно во время торжественного приёма зарубежных гостей, так что из-за большой занятости Стивенсу не удалось побыть с ним во время кончины.

Наш герой с сожалением вспоминает утраченную возможность построить личные отношения с мисс Кентон, тоже работавшей в имении. Он был уверен, что романтические отношения между работниками противоположного пола плохо сказываются на общем положении дел в доме.

Стивенс, как и положено дворецкому, никогда не вслушивался в разговоры гостей во время приёмов. Он не был любопытен. Поэтому, как оказалось, позже ему нечего было рассказать повстречавшимся в пути людям о Черчиле, Бернарде Шоу, Гамильтоне и прочих интересных личностях.

Честно пересмотрев свою трудовую деятельность, Стивенс смело выносит самокритичный вердикт.

I trusted. I trusted in his lordship's wisdom. All those years I served him, I trusted I was doing something worthwhile. I can't even say I made my own mistakes... What dignity is there in that [Ibidem, p. 256]? / Я верил. Я верил в мудрость его светлости. Все эти годы я служил ему, я верил, что делаю что-то стоящее. Нельзя даже сказать, что я сделал свои ошибки... Какое же в этом достоинство?

Мы видим, что в условиях уединения, свободы от воздействия других людей у Стивенса изначальное убеждение подвергается радикальному пересмотру. Несмотря на эмоциональную форму выражения мысли, дальнейшего развития она получить не может в силу своей завершённости.

Лейтмотивом в романе проходит тема манеры нового хозяина имения из Соединённых Штатов подшучивать над прислугой. Стивенс не может к ней привыкнуть и постоянно испытывает унижительную неловкость от того, что не знает, как в подобных ситуациях следует реагировать.

I must say this business of bantering is not a duty I feel I can ever discharge with enthusiasm [Ibidem, p. 16]. / *Должен сказать, что это дело подшучивания, чувствую, не является той обязанностью, которую я смогу когда-нибудь выполнять с энтузиазмом.*

Дворецкий вспоминает нелепую ситуацию, когда мистер Фаррадей, новый хозяин, в разговоре с ним насмешливо высказался про жену своего знакомого. Фаррадей в силу своей неблагородной сущности не придавал значения тому, что он нарушил тем самым этические нормы. При предыдущем хозяине дома было бы невозможным ни подобное хамство по отношению к даме, ни подобное панибратство со стороны его светлости с прислугой.

В другой раз Фаррадей поддел Стивенса в том, что якобы он, в его-то возрасте, думает о дамах! Стивенс понимает, что на смену благородным людям чести и достоинства приходят деловитые профессионалы, не озабоченные тонкими манерами. Как ни печально, но будущее принадлежит им. Всё повествование романа представляет собой описание процесса становления мыслей главного героя.

Позже Стивенс с удивлением заметит прогуливающих у моря счастливых молодых людей, которые ведут непринуждённую беседу, а иногда весело подшучивают друг над другом. В этот момент нашему герою в голову придёт новая мысль.

In bantering lies the key to human warmth [Ibidem, p. 258]. / *В подшучивании лежит ключ к человеческому теплу.*

Из путешествия Стивенс возвращается с желанием научиться подшучивать и тем самым приятно удивить своего нового американского работодателя.

Проанализированные примеры манифестируют подвижный характер дискурсивной деятельности человека. Вместе с тем каждая мыслительная линия рано или поздно останавливает свой путь и обретает конечный образ. Это происходит тогда, когда мысль в процессе становления преобразуется в мысль в своём завершении. Дискурс бесконечен, но отдельные его составляющие конечны.

Преобразование мыслительного процесса в завершённую мысль обусловлено исчерпанностью интерпретативной деятельности человека. Исчерпанность интерпретативной деятельности наступает в условиях отсутствия коммуникативной обусловленности, обретения возможности свободы мысли.

Приходим к заключению: когнитивный анализ речи показывает, что мысль в состоянии завершения возникает не как результат взаимодействия человека с действительностью, а как результат независимого истолкования этого взаимодействия. Дискурс включает мысли в состоянии становления и мысли в своём завершении. Дискурс в своём завершении манифестирует окончание коммуникативно не обусловленной интерпретации признаков мысли.

Список источников

1. Братчикова Н. С. Когнитивный анализ в помощь адекватному переводу // Университетское переводоведение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. Вып. 8. С. 66-72.
2. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 459 с.
3. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. СПб.: Азбука, 2012. 316 с.
4. Петрова Е. С. Лингвистическая имагология: становление, результаты, перспективы // Контекст XXI века: сб. науч. тр. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. С. 112-116.
5. Шадрин В. И. Университетское переводоведение. СПб.: ВВМ, 2017. 292 с.
6. Ishiguro K. *The Remains of the Day*. L.: Faber and Faber, Limited, 2005. 258 p.

SPEECH AND DISCOURSE OF ONE CHARACTER

Pilatova Valentina Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Saint Petersburg University
pilatova_vn@mail.ru

The article is devoted to the problems of determining the discourse on the basis of the analysis of the character's speech. The focus of attention is the words of the author of thought, not burdened with communicative dependence. Such are the inner monologues of the character. The conditions of successful mental activity of the personality are revealed. The thought in the state of formation and the thought in its conclusion are differentiated. The paper concludes that the formation of a thought occurs not in the course of human interaction with reality, but in the process of independent interpretation of this interaction. Finally it is observed that the thought in its conclusion is the result of interpretation of its features.

Key words and phrases: discourse; communicative conditioning; interpretation; thinking process; thought in state of formation; thought in its conclusion.